

ХЕРЕНДСКИЙ ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОД И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

ЛАСЛО МОЛНАР

I.

В развитии и формировании отечественного декоративно-прикладного искусства, начиная со второй половины XIX столетия, ощущается все большее влияние европейской капиталистической экономической системы. Предыдущее столетие, и в особенности его первая половина, несмотря на недолгий расцвет эпохи реформ, как в художественном отношении, так и в отношении декоративно-прикладного искусства частично отставало, а частично было более медленным и неравномерным, чем общеевропейское развитие.

Производство, создание изделий декоративного прикладного искусства (из текстиля, изразцов, мебели, фарфора, серебра и стекла), в большей своей части осуществлялись в цеховых или мануфактурных условиях. По сравнению с положением в Европе художественная продукция обоих этих способов производства может рассматриваться только во взаимосвязи, происходящей из общих отечественных исторических условий.¹

Начавшийся в начале 1870-х годов экономический кризис, который в 1873 году выразился в так называемом „Венском крахе”,² оказал свое влияние и на венгерское декоративно-прикладное искусство, и в том числе и на Херендский фарфоровый завод. Представлявшее в то время частичную собственность Морица Фишера и его семьи предприятие это не смогло преодолеть тяготы кризиса, потому что трудности мануфактуры оказались неразрешимыми в течение многих лет. Доходы, получаемые от производства фарфора, во все меньших размерах покрывали средства, необходимые для поддержания владельца и членов его семьи. Оказали влияние на события и трудности, связанные со сбытом и реализацией. Так наступило как в художественном, так и в хозяйственном отношении состояние краха, состояние банкротства.³ Здесь в качестве предисловия необходимо установить две вещи:

а) В условиях того времени в результате развития венгерского капитализма получила широкое распространение наряду с частными предприятиями и компаниями, располагающими меньшим капиталом, форма акционерных обществ. В Херенде этим вопросом даже не за-

нимались и для разветвленных семейных интересов это и не означало бы разрешение проблемы, потому что Мориц Фишер до самого конца настаивал на единоличном праве собственности и руководства, и поэтому не осуществил компаньонские отношения даже в рамках своей семьи. Таким образом на Херендском заводе не существовало возможности перехода от мануфактурального производства к более развитому капиталистическому производству.

б) В качестве основной, связанной с этим задачи, появился в производстве херендского фарфора и кризис художественный. Вехами этого являются не только те моменты, которые проявились⁴ в оценке результатов всемирных выставок, постепенно терявших свою притягательную силу и значение; ощутительным фактором воздействия явился также и всеобщий европейский кризис производства фарфора. Ведущие классы капиталистического общества и его различные слои лишь частично следовали вкусам и художественным потребностям аристократии. Сформировалась новая классовая потребность, искавшая собственного пути — пути, который отразит ее желавший блистать и сверкать облик, ее развивавшееся и укрепляющееся господство. В период зарождения „крупнобуржуазной потребности“ буржуа требовал и ожидал для отражения своего общественного господствующего положения блестящих, но менее ценных с художественной точки зрения предметов и изделий во всех областях искусства, в музыке и в литературе. Классический фарфор под нажимом необходимости уступает свое место во всей Европе цветному фаянсу и майолике, которые могут быть изготовлены легче и более дешевым способом.

Стремительно развивающееся печское фарфорово-фаянсовое искусство Жолнаи⁵ оттеснило на задний план искусство херендского фарфорового завода на всемирной парижской выставке 1867 года не только в европейском масштабе, но и в Венгрии. За этим последовала венская выставка 1873 года, на которой, Херенд получил признание почти единственным в своем роде классическим среди имперских заводов материалом, потому что венский фарфоровый завод прекратил свое существование⁶ в период между 1864—1877 годами. Его медленная агония, а вслед за этим полная ликвидация уже отражали те противоречия, которые одно десятилетие спустя наступили и в Херенде. Отметим, что в Вене, точно также как и в Херенде, не перешли от мануфактурального производства к более развитой системе. Чешские и немецкие заводы были модернизированы в эти десятилетия не только в отношении своей внутренней структуры и управления, они вообще перешли на массовый выпуск изделий, который на некоторое время, правда, оттеснил на задний план изготовление художественных фарфоровых „*pièce unique*“, но удовлетворял потребности в фарфоре более буржуазных слоев. Возможности осуществления этих целеустремлений — частичный переход к массовому производству — затрагивают в своем меморандуме⁷ взрослые, участвовавшие в управлении заводом дети Морица Фишера только в 1875 году, после кризиса, вернее, тогда, когда эта проблема затронула уже и Херенд.

II.

Меморандум этот является не только достоверным документом кризиса и поисков выхода из него, но и первым и единственным, действительно сформулированным детьми владельца обобщением. В этих строках получает место и вся предыдущая история завода и критика того времени, касавшаяся деятельности Морица Фишера. Сообщаемые данные и примечания и наметка выхода пути из кризиса, хотя и не лишены определенных ошибок, но, несмотря на это вместе со своими искажениями и часто высокопарным стилем, представляют в связи с заводом значительный по своей ценности источник. Опубликование этого меморандума для истории наук и дальнейших исследований, публикация всего его текста, а также критическая его оценка заслуживают внимания и с точки зрения истории декоративно-прикладного искусства.

Авторы дают прямой и четкий ответ на вопросы, вызывавшие наибольшие споры среди исследователей херендского фарфора в связи с основанием завода и херендской деятельностью Морица Фишера: „Отец наш счел выгодным путем покупки приобрести херендский завод и приступил к его эксплуатации в соответствующих больших масштабах”. В этом вопросе истории прикладного искусства — в том, что и до Фишера в Херенде существовал завод, на котором производством фарфора занимался Винце Штингль, нет никаких споров и возражений, это доказано как нами, так и многократно другими исследователями. К этому уже закрытому в науке вопросу, документ, написанный детьми-современниками является еще одним достоверным доказательством. Серия событий и в дальнейшем становится еще более ясной. В вопросе о кредитах, полученных из Папы, и о более ранних связях их отца со Штинглем, когда они пишут следующее: „Причиной для этого послужила довольно значительная прибыль, которую давал этот завод прежде, хотя эта прибыль происходила по всей вероятности главным образом благодаря благоприятным арендным условиям, — далее то обстоятельство, что некий человек по имени Штингль случайно как раз в это время не имел никакой специальной подготовки и квалификации, открыл в Херенде совершенно примитивное фарфоровое предприятие ...”. — Это последнее замечание в связи с профессиональными знаниями Штингля также спорно, однако спорно с той точки зрения, что не он, а Фишер разбирался в фарфоре и проводил эксперименты. Кажется, пожалуй, преувеличением, что обоснование Штингля в 1825 году в Херенде и проведенные им здесь в интересах производства фарфора успешные эксперименты и пятнадцатилетние усилия упоминают эпитетом „в то время”. Значительным является тот факт, что в последующие десятилетия не только забыли, но и полностью отрицали создание Штинглем Херенда и в позднейшей специальной литературе его или вообще не упоминают или упоминают лишь вскользь. В данном случае сами позднейшие владельцы заявляют и не скрывают деятельность Штингля, предшествовавшую деятельности их отца. Приведен-

ное выше также аналогично этому уже подтверждено в свете новых исследований и не может представлять предмет споров, потому что уже решен вопрос о том, кто изготавливал первые фарфоровые изделия в Херенде.⁸

Однако, если все же в связи с этим возникнут какие-либо проблемы, то можно привести беспристрастное определение Фишеров, которое является не только объективным, но и обоснованным, потому что отец их не бывал ранее и еще в то время на зарубежных фарфоровых заводах, хотя арендатор папайского изразцового завода на короткий срок, довольно продолжительное время вел торговую и арендную деятельность в имении графов Эстерхази и это дело непременно оказалось более прибыльным и доходным,^{9/a} чем изучение производства фарфора в Вене или на каком-нибудь заводе Чехии. Как они пишут „Хотя наш отец, в силу своих личных данных также не был подходящим для этого дела как в отношении теоретических, так и практических профессиональных знаний” ...”. Приведенные выше две цитаты, подтверждающие документально исторический факт создания, заслуживают внимания в связи с оценкой и обработкой влияния кризиса, потому что владельцы своими собственноручными записями освещают обстоятельства ранней истории завода.

Общезвестны сложившиеся в рамках Австро-Венгерской монархии распоряжения таможенной системы, оказывавшие на экономическое развитие Венгрии не во всех отношениях односмысленно положительное влияние. Отчеты торговых и промышленных палат сообщают достоверные данные и замечания в отношении промышленного прогресса, которые можно считать достоверными не только в отношении периода данного кризиса, но и в отношении более ранних десятилетий и позднейшего периода.⁹ В ходе оценки истории Херендского фарфорового завода и формирования его форм, исследователи никогда не упускают из вида деятельность венгерских аристократов, выступавших в отношении к заводу в качестве меценатов, что оказало влияние и на формирование херендского стиля. Это справедливо в отношении к 1850-м и 60-м годам, но в последующие десятилетия произошли изменения и в этом отношении. Венгерская аристократия ориентирует свое внимание в направлении капиталистического экономического развития. Созданные ими предприятия капиталистического типа и иные общественные контакты затрагивают, преобразуют и их вкусы, их требования, предъявляемые к искусству, в результате чего в 1870-х годах и позднее, когда уже полностью сформировался „херендский жанр” и первый большой период расцвета уже завершился, интерес не только не уменьшился, а более того, стал проявляться в иных направлениях. В этом процессе непременно сыграл свою роль наступивший в то время в Европе всеобщий кризис фарфорового искусства, влияние которого мы естественно можем обнаружить и в Херенде. Возвращаясь к историческим данным, нельзя считать случайным, что о деятельности Кошшута, направленной на развитие и расширение промышленности, отзывались в определенной степени пренебрежительно. Его деятель-

ность в области содействия промышленным объединениям и три промышленные выставки¹⁰ общегосударственного значения, которые заслуживают внимания в отношении развития и продвижения вперед предприятия, даже не упоминаются. Это понятно было в то время и является одной из причин общественных и политических поворотов семьи Фишер. Упоминают вместе с тем венскую имперскую выставку 1845 года, выступление на которой херендского фарфора мы на основе источников не можем считать настолько значительной, как например, ее участие в пештской выставке¹¹ 1846 года.

В отношении создания и формирования херендского стиля, меморандум, хотя и сжато, но все же сообщает достоверные данные в котором в нескольких местах, в качестве факта, квалифицируемого авторами как существенного, совершенно ясно отмечается: „экспонировавшиеся заводом изделия, которые все без исключения состояли из изделий этого жанра имитации...” — определение, выдвигающее вопросы эстетического характера. Можно считать совершенно явным, что формирование этого понятия стало общеизвестным в результате оценивающих определений критиков, его переняли и в Херенде, независимо от действительной ценности его содержания, от оценки выражения. Определения и анализы зарубежных искусствоведов и специалистов по фарфору, в том числе и *Якоба фон Фалке* многосторонне подтверждают вышесказанное в этом отношении.¹² Мы считаем это тем более существенным, что проведенные до сих пор херендские исследования рассматривали этот основной для отечественной истории декоративно-прикладного искусства вопрос только поверхностно, не расследуя и не анализируя его. Ценность херендского фарфорового искусства проявляется в специфической локальной интерпретации всеобщего фарфорового искусства. Только с этой точки зрения, в развитии непрерывной деятельности можно рассматривать его и анализировать во взаимовлиянии достижений европейской и азиатской истории фарфора. В меморандуме, подтверждающем и подкрепляющем достоверные исторические данные, дети владельца завода дают обзор всемирных выставок, упоминают среди них первую лондонскую выставку 1851 года, затем все последующие, вплоть до памятной венской всемирной выставки 1873 года.¹³ Кроме простого сообщения данных между строками везде проявляются романтические по своей концепции общественные воззрения, отражающие идейный мир людей, которым или совсем не были понятны или которые были далеки от сложных общественных и экономических взаимосвязей и ситуаций той эпохи. Вне всяких сомнений достоверными являются факты, согласно которым главы государств, выдающиеся личности, покупали херендский фарфор, в первую очередь именно на всемирных выставках. Однако такой жест проявлялся в отношении к большинству экспонентов как раз со стороны монархов и общественных и политических руководителей стран-устроительниц. Вместе с тем в отечественных условиях в тот период в пропагандистском отношении они вызывали большую сенсацию. Фактическая историческая их ценность намного меньше, чем даже те

данные, которые фигурируют в новейших публикациях. Значительным является также и замечание, указывающее на то, что Мориц Фишер в пятидесятые годы наряду со „старинными мейсенскими” узорами стал использовать и „японо — китайский” жанр. Несмотря на приведенное выше определение трудности означает при вскрытии всех херендских изделий то, что не сообщают более конкретных данных в связи с началом деятельности, означавшей поворот в художественном отношении. Мы считаем, что на основе проведенных до сих пор исследований и настоящего документа, что повторно встречающееся определение „подражательное искусство” было в то время вместе с тем и средством поддержания связей с европейским фарфоровым искусством. Позднее этот факт стал постепенно забываться и самостоятельный херендский стиль попал в специальную литературу без помещения в какую-либо эпоху и без всякой художественной связи и анализа.

Исторические воспоминания оканчиваются ознакомлением с успехами всемирных выставок, после чего авторы знакомят с экономическим положением завода. Затрагивают в этом месте не только необходимость новых кредитов, но и возможности изменения соотношения производства — *pièce unique* и массового производства.

III.

Застой отечественной промышленности уже ранее сигнализировал о приближении экономического кризиса. Отчет шопронской районной палаты за 1872 год, в котором упоминается и херендский завод, очень сдержан и по своей интонации.¹⁴ Следующий год, год кризиса (1873), заслуживает внимания и в отношении Херенда, потому что в интересах того, чтобы сообщить что-нибудь положительное из области производства керамики и фарфора наряду с довлеющим кризисом, в нем приводятся отзывы о выступлении завода на венской всемирной выставке. В этом случае отчет Палаты вместо экономических затруднений и производственных проблем занимается художественными вопросами. В этом отношении мы можем считать такое сообщение значительным источником художественных данных даже в издании, служащем интересам существующего строя и сообщающим промышленную и торговую информацию. „Этот завод сохраняет свое выдающееся положение благодаря общеизвестной специфике. Уже с самого начала, когда еще никто не думал об этом и в отношении фарфора все поклонялись испорченному вкусу, завод стремился производить тот старинный фарфор, который по праву так ценится поклонниками и ценителями искусства и коллекционерами художественных изделий. Однако, основатель завода Мор Фишер не ограничивался одним-единственным знаменитым заводом или производством отдельных видов фарфора, у которых есть имя и известность, он изготавливает севрский мягкий фарфор, а также мейсенский, венский и берлинский твердый фарфор, и кроме того китайский и японский фарфор, изготавливаемый из материала, окрашенного еще в сырье, являвшегося точным подражанием

не только по цвету, форме и окраске, но и в отношении специфики материала, что имеет такое большое значение для ценителей искусства. Во всех этих видах производства фарфора не возникает трудностей, нет проблем, которые бы не смог разрешить херендский завод".¹⁵ Меморандум в связи с этим упоминает только высокие цены, следствием которых явился слишком небольшой интерес, проявляемый к херендскому фарфору. Результатов художественного характера в этом случае в отличие от более ранних выставок меморандум здесь не упоминает. Сошлемся на упомянутый выше отчет палаты, который был опубликован непременно на основе информации Морица Фишера или кого-нибудь из его непосредственного окружения, — ведь правильность данных, сообщаемых палатой, не проверялась. Необходимо процитировать относящуюся сюда официальную оценку относительно экспонировавшегося на венской выставке херендского фарфора на основе опубликованного под редакцией *Карла фон Лютцова* сообщения. „Vor allen aber ist dahin die Porzellanfabrik von Moriz Fischer in Herend zu rechnen, die es auf Wiederbelebung des alten Porzellans abgesehen hat und in der Wiedergabe der verschiedenen Arten, von Meissen, Wien, Sévres, Berlin, China und Japan von keiner andern Fabrik des Continents erreicht wird. Es ist begreiflich, dass dieses Ziel nur unendlicher Mühe, Geduld und sinnenden Denken in langer Zeit zu gewinnen war, und um so mehr, wenn man bedenkt, auf welchem Boden die Fabrik, fern von allen künstlerischen Hilfsmitteln, sich befindet. So mag das Resultat, wie es die eminente Ausstellung dieser Fabrik erkennen liess, mit Recht unsere Bewunderung erregen. In Ihrer eigentümlichen Richtung hat die Fabrik gegenwärtig eine Technik, eine Sicherheit des Verfahrens, eine Accuratesse der Arbeit erreicht, di um so anerkennens werther sind, viel Material und Feuer gerade bei dem harten Porzellan diesen Eigenschaften hinderlich sind.“¹⁶ Оценка и критика, вышедшие из печати в 1875 году, непосредственно смогли сыграть роль в составлении меморандума. Односмысленной является позиция, занятая Фалке, как в отношении ручной производительности Херенда, так и в связи со вскрытием его органической интуитивной связи с европейским и азиатским искусством производства фарфора. Это именно та выставка, в ходе которой Фалке еще раз признает и удостоивает похвалы херендское искусство именно с точки зрения всеобщего искусства производства фарфора.

В следующем году отчет упоминает об общем застое, затем объявляет в отношении к 1875 году о банкротстве завода. В связи с этим событием необходимо возвратиться к меморандуму, который был написан в этом году и связан с банкротством. Что означал в этом отношении экономический крах Херендского фарфорового завода? Конкретно в отношении завода неактуальность предприятия, работающего с частным капиталом, но означало это и иное направление развития потребностей вследствие изменения общественных условий, что было определяющим в течение двух десятилетий, следовавших после появления Фишера в Херенде. Владелец завода, которому тогда уже перевалило за семьдесят, по праву гордившийся многочисленными на-

градами и дипломами, не принимал во внимание обременительные заботы. Он не только твердой рукой с помощью членов своей семьи управлял заводом, но с доверием, исходившим из его романтической души, взирал на государя и аристократию, ожидая от них время от времени помощи тогда, когда они точно также были в трудном положении. Непризнание возможного выхода из положения, приверженность к устаревшим способам производства и патриархальным мануфактуральным отношениям, тогда на какой-то период приостановило, а затем на десятилетия оказало воздействие на развитие завода. Потомки только частично признают этот вопрос, но не доходят до единственно возможного способа развития и усовершенствования.

Они, правда, упоминают причину, считавшуюся ими основной, а именно, производство исключительно индивидуальных, единичных, художественных изделий. Они хотели сопоставить это с массовым производством, служащим для удовлетворения более простых буржуазных потребностей. Поиски путей, ведущих к разрешению проблемы в случае херендской мануфактуры, было неправильным. Для того, чтобы там действительно в большом количестве выпускались более простые по своему внешнему оформлению фарфоровые изделия, с одной стороны уже в 1850-е годы надо было перейти на производство более дешевой посуды, как это было сделано в рамках империи на чешских заводах. Далее это потребовало бы обеспечения таких материальных ресурсов, которые в период венгерского капиталистического развития не были осуществимы не только для Фишера, но и для других. Все эти последствия имперской промышленной политики сложились в период после освободительной борьбы. Изменения в этом отношении не принес и компромисс 1867 года, не принес он особых изменений и в отношении таможенных пошлин.¹⁷ В этом отношении последствия взаимосвязей оказывали свое воздействие и на декоративно-прикладное искусство. Содержание художественной и экономической концепции Фишера реализовалось в течение десятилетий в подготовке к различным выставкам и в производстве индивидуальных единичных изделий. Следствием этого явилось то, что в интересах отдельных успешных выступлений становятся постоянными дорогостоящие эксперименты. Усовершенствование и развитие производства осуществлялось не в массовом производстве, а в изготовлении изделий и посуды „*pièce unique*” и декоративных предметов. Однако в каких размерах в развитии европейской экономической жизни уменьшились роль и значение всемирных выставок, в такой же мере, в данных конкретных условиях, увеличились расходы завода и понижался успех и результаты его художественной и экономической деятельности. Когда всемирные выставки во все большей степени стали превращаться в средства иностранного туризма, начиная со второй половины 1860-х годов, Фишер прилагает все новые и новые усилия в интересах достижения выдающихся успехов.

Внутреннюю отсталость завода в это время уже не могли скрыть продуманные художественные и производственные успехи, достигну-

тые владельцем в течение нескольких десятилетий, вернее, даже его периодические успехи. Ограниченность такого рода соображений в определенной степени отражается и в мышлении его сыновей, когда они считают возможным исправление создавшегося положения всего лишь с помощью капитала равного 50 000 форинтов. Оснащенность завода в этот период мы должны считать таким примитивным, которое почти не имело прецедента даже в отечественных условиях. Подтверждает это тот факт, что в конце 1860-х годов годовое производство составляло всего лишь 60 000 форинтов, а в 1872 году годовой подоходный налог равнялся всего-навсего 72 форинтам.¹⁸ Нет необходимости в сопоставлении данных даже для подтверждения большого отставания в рамках неразвитой керамической и фарфоровой промышленности. Нереальность представлений, связанных с размахом производства, нереальность перехода на производство более дешевых изделий, подтверждает следующее: „Если при теперешнем оборудовании завода (которое по желанию может быть разных размеров) будут включены на полную мощность только теперешние — десять — формовальных кругов, то из тех имеющих большой спрос товаров можно будет все же изготовить столько, чтобы стоимость их соответствовала 2000 форинтам в неделю, то есть 100 000 форинтам в год. Если завод хотя бы в течение пяти лет (за это время почти не пришлось бы расходовать на ремонт заслуживающие внимания суммы) функционировал бы в рамках уже неоднократно упоминавшейся логичной системы — тем самым соответствуя своему прямому призванию и связываемым с ним требованием — то за это время по всей вероятности завод еще раньше смог бы привести в полный порядок свои финансовые дела и торговые отношения”. Нет сомнения в том, что переход отсталого предприятия на массовое производство на основе приведенных выше соображений был невозможным. Венгерское производство фарфора не было значительным с количественной точки зрения и в Херенде — наряду с его специфической художественной ценностью.¹⁹ В этом сыграло решающую роль и в более ранние, и в последующие десятилетия кроме таможенной системы — которая была лишь одним из препятствием развития — недостаток сырья, ничтожное число квалифицированных рабочих, отсталый способ производства и положение, сложившееся в монархии в области производства фарфора. Кризис резко подчеркнул состояние отечественной тонкой фарфоровой промышленности. Данные являются наглядными доказательствами с одной стороны большой отсталости, что проявляется и в том, что из Венгрии в эти годы за границу не отправляют ни фарфор, ни фаянсовые изделия. С другой стороны в чрезвычайно ничтожном импорте, что указывает на низкий уровень интереса отечественных покупателей к фарфору.²⁰ Кризис херендского завода не имеет особого значения с точки зрения всей венгерской экономики и всеобщего кризиса благодаря известным обстоятельствам и низким производственным ценам. Однако в отношении семьи Фишер это значительная хозяйственная проблема, проблема, касающаяся всего их существования, начало процесса, который в отличие от преж-

него руководства, осуществлявшегося патриархальными средствами, выдвигает более развитое капиталистическое производство и управление, которого потомки Фишера в то время еще не смогли взять на себя, а только некоторое время спустя, когда отец их в 1876 году отойдет от дел и возвратится в свой родной город Тата.

IV.

Кризис, продолжавшийся в отношении Херендского фарфорового завода, в течение многих лет, неблагоприятно отразился — как мы уже это упоминали — и на искусстве. Пружины художественного развития херендского фарфора надо искать в серии всемирных выставок. По случаю каждой выставки во второй половине XIX столетия в рамки действия завода включались из территории всеобщего фарфорового производства новые отрасли. Так, в первую очередь целью является мастерская имитация старинных саксонских, или мейсенских, берлинских, сервских, восточно-китайских и японских форм и украшений, их изготовление на самой высокой степени ручной работы, что являлось верным залогом успеха в условиях того времени. Наряду с этим производство непрестанно сужалось и ограничивалось только пополнением сервизов аристократов. То, что сверх этого попадало в торговую сеть в Вене или Будапеште, является скорее примером частных результатов экспериментов. Эта цель оказала свое влияние и на внутреннее производство, потому что для этого в первую очередь требовались художники-оформители. Украшенный богатой ручной росписью херендский фарфор в то время требовал почти исключительно привлечения зарубежных художников по фарфору, в особенности в период подготовки к выставкам. Отчеты палаты при сообщении данных упоминают число художников, среди которых разумеется фигурируют и наиболее выдающиеся и более средние по квалификации художники без всякого обозначения разницы между ними. В 1870-е годы, как раз в годы кризиса, на заводе работает в качестве главного художника *Рудольф Фишер* (не родственник владельца), далее *Мор Клейн*, уволившийся в 1873 году со ссылкой на то, что не в состоянии прожить на получаемую заработную плату. В этот же период на заводе работают два художника по фигурам, оба иностранца — *Резе Веттенгл* и *Карой Штаблер*. Анализ их деятельности и достоверное отождествление раскрашенных ими изделий, требует дальнейших исследований. Из имеющихся в настоящее время в распоряжении данных и материалов исследований можно установить кроме того, что они раскрашивали пластику (фигуры), или наносили фигурные композиции на посуду, декоративные изделия и вазы. Этот вопрос имеет важное значение именно в отношении Херенда, потому что в то время на заводе изготовлялось очень незначительное число скульптур. Однако, начиная с начала 1870-х годов, в большом числе выпускается такая посуда и сервизы, которые были украшены так называемыми сценами „Ватто” или заменявшими их венгерскими народными жанровыми фигурами. Такие изделия сохра-

нились до наших дней как на выставке херендского завода, так и в музее Декоративно-прикладного искусства и в других более крупных коллекциях. В период кризиса работал еще в художественном цехе *Антал Шенинг*, который в 1875 году в результате банкротства покидает завод и работает в Херенде в качестве самостоятельного художника по фарфору. В рекламе о своей деятельности, сохранившейся до наших дней, он ссылается на многолетнюю свою практику на херендском заводе и на то, что красит и поставляет заказчикам²¹ херендский фарфор. С помощью этого нового данного мы приближаемся к полной сложившейся в то время картине. Владелец, борющийся с экономическими затруднениями, вынужден продавать по льготной цене ушедшему с завода художнику накопившийся у него на складе белый фарфор, чтобы тот выпускал его в продажу как херендский фарфор. Это признак такого состояния, которое указывает на временное прекращение производственной деятельности завода. Семья Фишер в период кризиса превратила в деньги все в интересах материального поддержания себя и своих семей.

Для искусства этого периода еще характерна фишерская концепция, которая выражалась в том, что завод самым сногшибательным способом имитировал классиков. Эта тенденция в последний раз появилась как нечто новое на венской всемирной выставке 1873 года, когда подготовкой к выставке руководил еще сам пожилой владелец. С точки зрения истории искусства участие в венской выставке означает завершение периода, создавшего „херендский стиль”, последний единый показ достигнутых до сих пор художественных результатов. При обработке определений, занимавшихся этим вопросом, различных зарубежных изданий нельзя не упускать из виду, что появлявшиеся один за другим в хронологическом порядке издания в силу необходимости опирались на основные определения. Несмотря на это они рассматривали херендский фарфор как имеющий большое значение, потому что в то время венский завод уже не работал и классические художественный фарфор был представлен, можно сказать, одним только Херендом. Публиковавшиеся в печати небольшие сообщения с восхищением отзываются о фишерском фарфоре, поэтому их замечания требуют более осмотрительной селекции. Определения венского профессора Якоба фон Фалке, пользовавшегося международным авторитетом, являются основными до наших дней, они дают возможность провести сравнительный анализ художественной ценности теперешнего херендского фарфора с точки зрения тогдашнего положения и всего процесса развития. В своих сочинениях он определяет место и положение Херенда в реляции европейского и азиатского искусства производства фарфора, в том специфическом образцовании, которое вплоть до нашего времени может служить основой дальнейших более углубленных анализов и взаимосвязей.

Экономическое положение завода не изменилось и после написания в 1875 году меморандума. В следующем году явно вследствие сложившихся внутри семьи различных противоречивых взглядов пожи-

лой заводчик уезжает в Тату и передает завод своим взрослым детям. Передача по существу была номинальной, ведь задолженность завода немалого превышала его стоимость, подтвержденную полным экономическим крахом, вернее, самым юридическим делопроизводством. Ведшиеся в течение нескольких лет переговоры закончились только в мае 1876 года, когда дело было прекращено и кредиторы уже не требовали ликвидации завода.²² Тем самым завершился продолжительный и значительный период Херендского фарфорового завода, после которого последовал продолжавшийся долгие годы, оказавший сильное влияние и на искусство, период упадка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Sándor, Vilmos: A tőkés gazdaság kibontakozása Magyarországon (1849–1900).* (В. Шандор: Развертывание в Венгрии капиталистической экономики) (1849–1900). Будапешт, 1958.
- ² *Sándor, Vilmos: A nagyipar fejlődése Magyarországon (1867–1900).* (В. Шандор: Развитие крупной промышленности в Венгрии в 1867–1900 годы). Будапешт, 1954.
- ³ *Ruzsicska, Ilona: A herendi porcelán.* (И. Рузичка: „Херендский фарфор”). Будапешт, 1938.
- ⁴ *Das Buch der Erfindungen, Gewerbe und Industrien IV. Bd.* Leipzig, 1898.
- ⁵ *Exposition Universelle de 1867, à Paris. Catalogue Generale, Paris 1867.*
- ⁶ *Tasnádiné, Klára Marik: A herendi porcelán Bp. 1970.* (К. Марик Ташнадине: „Венский фарфор”), Будапешт, 1970.
- ⁷ Архив Херендского фарфорового завода. *Emlékirat a herendi porcelángyár fenntartását illetőleg.* (нем. и в кн. *nyomatos kiadvány*) 1875. febr. 2. (аз emlékiratot aláírták: Fischer Leó, Sámuel, Géza, Vilmos és Béla).
- ⁸ *Mihalik, Sándor: Stingl Vince „sopronyi nemtelen plebejus” a herendi gyár alapítója.* Soproni Szemle XXII. 1968. 4. sz. (Ш. Михалик: „Винце Штингл — „шопронский неблагородный плебей” — основатель херендского завода”). *Molnár, László: A herendi porcelángyár a reformkorban. A Veszprém megyei Múzeumok közleményei,* 1963. I. (Л. Молнар: Херендский фарфоровый завод в эпоху реформ (1825–1848) Веспрем 1963.]
- ⁹ *Szabad, György: A tatai és gesztesi Eszterházy uradalom áttérése a robotrendszerrel a tőkés gazdálkodásra.* (Дж. Сабад: Переход татайского и гестешийского имения Эстерхази с барщины на капиталистическое хозяйство). Будапешт, 1957, 100, 103 стр.
- ¹⁰ После освободительной борьбы 1848–49 годов организовали в Венгрии в 1851 году районные палаты. Херендский фарфоровый завод до 1890 года относился к Шопронской торговой и промышленной палате области Веспрем. После основания в 1891 году дьерской палаты, относился к ней. Данные, связанные с заводом, содержат и отчеты будапештской палаты. Отчеты палат ежегодно — время от времени — сообщают данные и статистику о проводившейся на территории их действия торговой и промышленной деятельности. Их данные являются почти исключительными источниками исследований истории заводской и связанной с этим декоративно-художественной промышленности второй половины XIX столетия.
- ¹¹ *Molnár, László: Iparegyesület iparműkiállítások. Művészettörténeti Értesítő.* 1965. I. sz. Bp. 1965. (Л. Молнар: Промыленно-художественные выставки промышленных объединений. Бюллетень искусствоведения), 1965, № 1, Будапешт, 1965.
- ¹² *László Molnár: Das Pester Modeblatt (Pesti Divatlap) und das Ungarische Kunstgewerbe. Annales Univ. Scient. Budapestiensis di Rolando Eötvös nom. Sectio Hist. Tomus XI. Bp. 1970.*
- ¹³ *Weltausstellung 1873 in Wien. Amtliches Verzeichniss der Aussteller.* Wien 1873.
- ¹⁴ *Das Buch der Erfindungen Gewerbe und Industrien VIII. Bd.* Leipzig, 1900.

- ¹⁴ Главный отчет шопронской торговой и промышленной палаты за 1872 год. Шопрон, 1873.
- ¹⁵ Главный отчет шопронской торговой и промышленной палаты за 1873 год. Шопрон, 1874.
- ¹⁶ *Karl von Lützow: Kunst und Kunstgewerbe auf der Wiener Weltausstellung 1873. „Das Kunstgewerbe“ von Jakob von Falke, Leipzig 1875.*
- ¹⁷ *Sándor, Vilmos: Nagyipari fejlődés Magyarországon. 1867–1900. Bp. 1954. (В. Шандор: Крупнопромышленное развитие в Венгрии. 1867–1900). Будапешт, 1954.*
- ¹⁸ Главный отчет шопронской торговой и промышленной палаты за 1866–69 годы. Шопрон, 1871. Статистический отчет Шопронской торговой и промышленной палаты за 1876 год. II часть, Шопрон, 1878.
- ¹⁹ Отчет будапештской торговой и промышленной палаты о ремесленной и фабрично-заводской промышленности будапештского района за 1870–1875 годы. Будапешт, 1877.
- ²⁰ Отчет будапештской торговой и промышленной палаты в 1873 году. „Товар, обложенный пошлиной в будапештской таможне“. Будапешт, 1875.
- ²¹ *Veszprém I. évf. 1875. 17. sz. szept. 26.*
- ²² *Ruzicska, Ilona: im. u.ott. (И Рузичка: цитированное выше произведение, там же)*

МЕМОРАНДУМ

ОТНОСИТЕЛЬНО СОХРАНЕНИЯ ХЕРЕНДСКОГО ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА

I.

О деятельности упомянутого выше предприятия и о его положении, занимаемым им в этой области промышленности

Основательная ориентация в этом отношении прежде всего требует того, чтобы хотя и кратко сообщить в общих чертах историю возникновения и развития завода.

Наш отец Мор Фишер в конце 30-х годов арендовал в Папе основанный в то время фаянсовый завод. Этот завод, представлявший собственность внуков оставшихся сиротами после скончавшегося основателя завода Матьяша Винтера, представитель органов опеки продал в 1839 году.¹

Таким образом, отец наш считал выгодным, путем покупки приобрести херендский завод и приступил к его эксплуатации в соответствующих больших масштабах. Причиной для этого послужила довольно значительная прибыль, которую дедал этот завод прежде, хотя эта прибыль происходила по всей вероятности главным образом благодаря благоприятным арендным условиям, далее благодаря тому обстоятельству, что некий человек по имени Штингль случайно, как раз в это время, не имея никакой специальной подготовки и квалификации, открыл в Херенде совершенно примитивное фарфоровое предприятие — в Баконе, окруженном лесами — и после нескольких неудачных попыток дошел до того, что готовился окончательно ликвидировать свое дело.² Хотя наш отец, в силу своих личных данных также не был подходящим для этого дела как в отношении теоретических, так и практических профессиональных знаний, но ему помогали в деле его зять и наш старший брат Лео, которые проявили себя уже во время периода папайского завода каменной посуды и поэтому надеялись, что быстро смогут освоить секреты фарфорового производства, хотя в то время они даже и не представляли себе те трудности, которые ожидали их на этом пути.³

На нашей любимой родине промышленность в то время находилась еще в самом примитивном состоянии и развитию ее последовательно препятствовало тогдашнее правительство и его тягостная система, согласно которой с Венгрией обращались как с исключительно аграрной страной и промышленность считалась монополией, сохранявшейся для извечных австрийских провинций.⁴

Борясь таким образом против внутренних и внешних ударов херендский фарфоровый завод уже три года спустя после его основания достиг границ своих возможностей, что и не удивительно, если мы примем во внимание, что его неустойчивую деятельность по легко понятным причинам приходилось ограничивать лишь товарами, удовлетворявшими самые заурядные потребности, которые однако, уже понаioresшие в этой профессии в течение столетия чешские заводы, которые кроме всего прочего имели превосходство благодаря освобождению от таможенных пошлин, во всяком случае могли производить гораздо дешевле, заранее делая невозможным в этой области любую конкуренцию.⁵

Лайош Кошут, который в своем патриотическом рвении сделал все, чтобы по возможности уравновесить такое неблагоприятное положение национальной экономики и который очень основательно знал все те препятствия, с которыми приходилось бороться отечественным предприятиям, имевшимся в его распоряжении средствами, трудился над тем, чтобы в области журналистики, выдающимся деятелем которой был он сам, трудиться ради сохранения завода. Однако вследствие существовавшего в то время общего направления, невозможно было — не говоря уже о предубеждениях, которые существовали в то время в пользу зарубежных изделий и в ущерб отечественных изделий — выпускать такие красивые и дешевые изделия, чтобы их покупали с большей охотой чем продукцию венских и чешских заводов, или чтобы уровень спроса на них достиг хотя бы уровня, аналогичного этим предприятиям.

Никто не мог дать доброго совета относительно того, как надо помочь в этой беде. Ясно было видно, что сохранение херендского фарфорового завода возможно лишь в том случае, если он выберет направление, которое исключит конкуренцию упомянутых выше конкурентов.

И действительно в условиях колебаний и нерешительности, почти неожиданно, случайно подвернулся спасительный случай.

Несколько аристократических семей, в частности Эстерхази, Баттьяни, Палффи, Зай и другие семьи, которым стали известны ревностные стремления к индустриализации херендского завода, частично, пожалуй, ведомые патриотическими чувствами, захотели воспользоваться случаем, чтобы пополнить здесь свои ценные наследственные семейные сервизы и гранитуры, которые частично разбились в ходе столетий или оказались неполными. Это однако было такой трудной задачей, что ни венгерские, ни зарубежные заводы никогда не хотели дать свое согласие на выполнение такое задачи.⁶ Можно таким образом себе представить, что успех был еще более сомнителен здесь, где пришлось преодолеть трудности начальные и трудности, которые, как правило, всегда имеются в наличии в стране, отсталой в промышленном отношении. Однако и здесь, решающее слово сказала необходимость — этот строгий учитель. Признание того, что этим действительно будет найдено специфическое и исключительное направление, наряду

с которым, если это дело увенчается успехом, долгое время не надо будет страшиться конкуренции, оказало свое действие при вынесении положительного решения. Насколько правомочным было это предположение, подтверждается действительностью, превысившей все ожидания. Потому что уже на венгерской промышленно-художественной выставке 1845 года, то есть всего лишь год спустя после того как по поручению покойной графини Эстерхази здешний завод предпринял первые осторожные попытки в отношении имитации различных предметов в жанре „старинного мейсенского” фарфора, причем попытки эти завершились удовлетворительным результатом, экспонировавшиеся заводом изделия, которые все без исключения состояли из изделий этого жанра имитации — настолько поразили тамошних специалистов, что хотя и без особого удовольствия — что и понятно — они все же вынуждены были наградить почетной грамотой венгерский завод, который до тех пор был почти совершенно неизвестен за границами своей страны. Еще более блестящим выражением успеха этого жанра явилось то обстоятельство, что Альберт Вейсе, который в то время вел свое дело в Милане, сразу же после открытия выставки закупил для своего дела всю коллекцию завода, что одновременно с этим открыло путь дальнейшим контактам с этой фирмой, что в будущем по всей вероятности привело бы к более широким деловым связям, если бы исключительно высокие в то время таможенные тарифы на фарфор (которые на изделия, вывозившиеся из Венгрии в австрийские провинции составляли почти 36%, в то время как импорт таможенным сбором почти не облагался), чрезвычайно не затруднили бы транспортировку херендской продукции. В качестве характерного для того времени данного заслуживает упоминания тот факт, что австрийские, более того, даже венгерские кавалеры, бывая за границей, закупали у Альберта Вейсе эти изделия и привозили их обратно как зарубежные изделия — и не замечали обмана до тех пор, пока здесь им не указывали на „херендскую” заводскую марку.⁷

К 1851 году завод, работая с большим прилежанием, уже мог довольно прилично содержать себя, хотя разразившиеся в этот период революционные события в большей или меньшей степени задержали его развитие. Однако основа всемирной известности завода была заложена только в 1851 году на первой лондонской всемирной выставке. Это был единственный фарфоровый завод австрийской монархии, который получил медаль I степени. Большая часть выставленных заводом экспонатов несмотря на неудовлетворительное представительство официальных властей, была продана; остатки же были отосланы на проведенную в 1853 году в Нью-Йорке международную промышленную выставку. Президент Северо-Американских свободных штатов мистер Пирс был первым, кто еще в первый день открытия выставки купил херендскую вазу — а на следующий день, как об этом сообщил в своем отчете тогдашний австрийский консул господин Лоозе, вся коллекция завода была продана. А сам завод был награжден почетной грамотой и медалью I степени.⁸

Между тем со временем завод кроме античного жанра европейского происхождения включил в сферу своей деятельности и „японо — китайский” жанр. Мотивом для этого послужил следующий случай. Тогдашний посол сардинского короля в Вене граф Ревел, который до этого был послом в Гааге и Берлине, получил от своего двора поручение исправить и пополнить китайский фарфоровый сервиз, который попал к туринскому двору несколько столетий тому назад. Посол, который наслышался много хорошего об имитационном искусстве херендского завода — что произошло в то время главным образом благодаря графам Эдмонду Зичи и Яношу Вальдштейну, которые как известные покровители и ценители искусства по собственной воле покровительствовали заводу — передал это поручение херендскому заводу. Целый год потребовался для того, чтобы завод смог создать имитацию этого жанра, поскольку с одной стороны необходимо было прежде всего изучить композицию материала, в корне отличного от европейского, а с другой стороны найти цвета, выдерживающие пробу огнем и могущие быть применимыми в качестве рельефных. После многочисленных и утомительных экспериментов в конце-концов все же удалось достигнуть результата, который был с точки зрения своего значения эпохальным и оказался для завода чрезвычайно значительным не столько благодаря материальным преимуществам, которые, поскольку они интересовали лишь лиц привилегированных и настоящих ценителей искусства, — были намного меньше чем прибыль от изделий, выпускавшихся в стиле, пользовавшегося всеобщей популярностью, „старинного саксонского” фарфора, а главное из-за репутации, из-за имени, которое завод постепенно завоевал себе в Европе как первый завод по имитации фарфора и который достиг своей вершины позднее, когда бессмертный ученый и „крупнейший авторитет земного шара” Александр Гумбольдт в одном своем письме, написанном в 1857 году, отзывался о произведениях завода с самым большим признанием.⁹

На всемирной выставке 1855 года в Париже здешнее искусство имитации было представлено во всех видах и жанрах и в наиболее богатой по количеству коллекции, экспонаты ее в большей своей части носили старинный характер, вызвали большой фурор и охотно были вскоре закуплены, к тому же большая часть их была приобретена бароном Ротшильдом и известным брюссельским коллекционером господином Брукером; на этот раз завод также был награжден медалью I степени.

Еще более блестящих результатов добился завод на Всемирной выставке 1862 года в Лондоне. Тамшний коммерческий мир проявил большой интерес к изделиям завода и хотел завязать с нами более близкие контакты и если мы проявим хоть малейшее желание сотрудничать с ними, то эти связи получили бы самый широкий размах. Мистер Блекхид из Балтимора, который был крупнейшим покупателем изделий европейской кустарной промышленности для Америки, предложил нашему заводу заключить сделку на покупку им определенных

специфических изделий ежегодно на сумму до 20—25 тысяч долларов на самых благоприятных условиях. Причины, по которым это благоприятное предложение не было принято, станут очевидными из содержания следующих глав.¹⁰

В материальном отношении лучшим периодом завода оказалась Всемирная выставка в Париже в 1867 году, поскольку за отправленные на нее изделия (среди которых были заказы императрицы Евгении, герцогини Тек. Кембриджской, семьи Ротшильдов и других) мы получили около 100 000 франков и результаты которой могли бы стать еще более значительными, если бы цены не были чрезвычайно взвинчены. Это же самое обстоятельство послужило причиной того, что на Всемирной выставке 1873 года в Вене наши изделия пользовались сравнительно небольшим спросом, потому что мы смогли бы добиться удовлетворительных результатов даже несмотря на наступивший финансовый кризис, если бы чрезвычайно высокие цены не отпугнули бы намеревавшихся совершить покупки англичан и американцев.¹¹

Заслуживает здесь упоминания также и то, что до сих пор среди постоянных покупателей завода фигурировали кроме представителей самых высоких кругов двора его императорского величества, высшая аристократия Австро-Венгерской монархии, почти все аккредитованные в Вене посольства иностранных дворов и иностранные, аристократические семьи, главным образом из Англии и России. А в Венгрии семьи князя Эстерхази, графов Каройи, Баттьяни, Зичи, Эстерхази, Сапари, Хуняди, Сечени, Цираки, Вальдштейн, Эрдеди, Венкхейм, Телеки, Чеконич, Палфи, Надашди и другие семьи, далее, высокопоставленные сановники Ацел, Блашковиц и Янкович, и многие другие, которые систематически заказывали потребные в упомянутом жанре изделия на нашем заводе.¹²

II.

О торговой деятельности завода

Если до конца прочесть основанную на известных фактах историю завода, то приходишь в самое большое изумление от того, что неразрешимым и бросающимся в глаза вопросом остается загадка: каким образом могло произойти, что предприятие, которое добилось таких необычайно замечательных достижений в области художественной промышленности, какими могут похвастаться немногие промышленные предприятия в монархии, все же в материальных результатах намного отстало от них, более того, в конце концов завод даже обанкротился.¹³

И все же эти загодичные для внешнего мира явления, которые кажутся непосвященным противоречивым, находятся друг с другом в определенной взаимосвязи.

Нам, являющимся сыновьями владельца и руководителя завода, которые со времени его основания, с самой ранней своей молодости

были один за другим активными участниками всех событий и в силу необходимости настолько глубоко знаем всю суть делопроизводства как никто другой, во всяком случае нам затруднительно — вследствие хотя бы сдержанности, к которой обязывают нас деликатные отношения между родителями и детьми — объяснить причины этого несоответствия. Однако как перед врачом, от которого ожидают исцеления, нельзя утаить даже самые мельчайшие симптомы болезни, так и в данном случае в силу необходимости желательно, хотя бы в рамках, ограниченных правилами благопристойности и приличия, без колебания вскрыть совершенные здесь систематические ошибки и промахи, которые вызвали эти финансовые неудачи.

С тех пор как наш батюшка начал трудиться в промышленности, красной нитью протянулось через всю его деятельность то фатальное, роковое впечатление, которое произвели на него происходящие от поощрительных и благородных намерений, доказательства лестных признаний компетентных авторитетов. Даже покойный наместник венгерского короля Франц Йосиф и теперь также уже покойный примас Копачи не упускали случая прославлять его здешнюю деятельность, а насыщенные похвалой и славой публицистические излияния, на которые никогда не скупился Лайош Кошшут, если подвергивался для этого случай, еще больше увеличивал и без того пробудившееся в нем честолюбие.¹⁴ Тем более позднее, когда завод показал настоящие технические достижения и за художественную имитацию античной посуды его осыпали похвалами и милостями, более того проявлениями своего признания такие выдающиеся специалисты как покойный герцог Меттерних, Александр Гумбольдт, барон Баумгартнер, барон Гекерен, знаменитые коллекционеры и археологи: Адамбергер, Калвани, Пикерт и другие, далее, такие авторитетные ценители искусства как профессор Эйтельбергер, д-р Фалке, Карой Нендвич и, наконец, графы Эдмонд Зичи, Янош Вальдштейн, Мор Эстерхази, — батюшка наш пришел в замешательство как в отношении самого себя, так и в отношении собственного первоначального призвания.¹⁵ Гордые требования мнимого художника столкнулись с буржуазными требованиями и потребностями простого завода. Хотя хладнокровными, резонными средствами оба направления деятельности хорошо смогли бы ужиться друг рядом с другом. И чтобы этот психологический анализ был совершенно полным, необходимо упомянуть еще один чрезвычайно неприятный момент, который таит в себе вопиющее противоречие природы. Одиноким человек, если он материально независим, необузданно и по своей доброй воле может следовать своим наклонностям и вкусам. Совершенно безразлично, что явится конечным результатом его деятельности, он не обязан в этом отчитываться никому кроме самому себе. Но ясно, что положение совершенно иное в том случае, если — как и здесь — с предприятием в самой тесной связи находятся экзистенции многих других людей. В этих случаях категорическая обязанность принять во внимание как это и полагается вытекающие из таких отношений в силу необходимости требования и условия.

Правда, когда наш батюшка — 35 лет тому назад — основал херендский завод, то кроме уже упомянутого и в то время уже женатого самого старшего нашего брата, он всех нас, еще совсем юными, можно сказать сразу же после окончания школьной учебы, привлекал одного за другим в работу завода, чтобы мы занимались исключительно только этой деятельностью. Со временем однако мы образовали несколько семей, все члены и частная собственность которых (состоявшая из приданных супруг глав семей) с железной требовательностью были вовлечены в деятельность завода, без того, однако, чтобы с другой стороны предоставлялась бы соответствующая компенсация — например, если бы батюшка принял бы нас официально в фирму или вообще позволил бы нам более свободное и самостоятельное движение и влияние, чего можно было бы ожидать в результате характера нашей интеллектуальной деятельности и что пошло бы на пользу расцвету завода; хотя именно сыновья были теми* — преданные и прилежные руки которых — хотя и косвенно — создали все те красивые и выдающиеся произведения, благодаря которым завод заслужил изумление и восхищение всего света.¹⁶

В таких условиях понятно, более того само собою разумеется, что при таких ненормальных обстоятельствах между отцом и его сыновьями возникали противоречия и различия во мнениях по самым существенным вопросам. В то время как мы, братья, стремились умножить репутацию нашего завода, завоеванную неустанной деятельностью отца, с помощью быстрого оборота популярных везде изделий, отец наш всегда считался только со своими специальными, иными интересами, которые состояли из создания художественных шедевров и осуществления иных такого же рода работ, которые в конце концов он дарил музеям или с большой тайной прятал от всего мира, чтобы никто не мог их увидеть или не дай бог — купить.¹⁷ При таком ведении дел совершенно естественно наступил период финансовых затруднений; и в этих случаях опять-таки его утопии были такими, с которыми мы никогда не были согласны. Потому что в то время когда он жил в своих выпренных мечтах о том, что патриотической обязанностью нации является предоставить субвенцию его предприятию, принесшему столько славы родине (путем кредита из государственной казны), мы каждый раз считали, что в конечном счете нет необходимости просить у государства такой исключительной помощи, потому что завод, работая практически на основе наших соображений, таит в себе удовлетворительный и богатый фонд и без всякой помощи или полученного кредита, ограничивающего свободное движение, сможет честно существовать, стоя на своих собственных ногах.¹⁸ Более того, казалось на этой последней точке зрения стоит и наш милостивый король, когда наш батюшка еще в 1870 году — то есть почти три года спустя после всемирной

* Дело в том, что в течение 25 лет на заводе не было ни одного чужого директора, начальника цеха, и вообще никакого чужого руководителя, все эти должности были заполнены исключительно нами.

парижской выставки, так блестяще завершившейся для завода — обратился в Его Величеству с просьбой об оказании государственной помощи. Наш милостивый государь счел лучшим заказать на заводе изделия, необходимые для его будайского и геделлейского королевских дворцов, смилостивился выделить самую высокую сумму из своей частной кассы в размере 30 000 форинтов, что, хотя и косвенно, можно было принять за тонкое предупреждение в отношении всегда оправдывавшей себя истины: *aide-toi et le ciel t'aidera!*

*

Таким образом нарисованная здесь картина в ясных и четких чертах обрисовывает проведение самой полезной и наиболее успешной деятельности, которую лучшие представители общества — поскольку видели в ней живое воплощение своих пожеланий — принимали с радостным воодушевлением — и рядом с этим тут же руку, которая под влиянием фатального воздействия ложного толкования эпохи непрестанно готова была разрушить созданное ею самую с большими трудами произведение.

Как могло случиться, что в результате последовательного игнорирования существовавших общественных институтов и неправильного использования имевшихся в распоряжении сил, наиболее призванный к этому талант вынужден был прекратить свою деятельность!

И именно в этом кроется ключ разрешения этого вопроса, в том, как могло случиться, что всемирно известный херендский фарфоровый завод обанкротился.

III.

Теми способами и средствами, с помощью которых предприятие могло бы стать полезным и плодотворным.

Если мы примем во внимание тот факт, что херендский фарфоровый завод, имя которого стало известно даже за океаном, достиг в имитации античных жанров беспримерного искусства — что, если, бы он продолжал развивать свою деятельность в этом направлении то благодаря своему опыту в этом деле получал бы заказы из всех частей света, если, кроме того завод, основываясь на своем многолетнем опыте, развивал бы и те достопримечательности, в производстве которых более опытные рабочие уже набили себе руку и которые имеют постоянный спрос в самых больших количествах, особенно в североевропейских странах, таких как Россия и Англия, и что мог бы производить изделия, являвшиеся бы постоянным спросом для Америки — то с другой стороны несомненно и то, что для создания богато вознаграждаемого завода не требуется иного лекарства, чтобы избежать приведенных выше ошибок и промахов, которые были здесь совершены, как простого избежания этих ошибок и промахов и введения системы как раз противоположной прежней.

Если при теперешнем оборудовании завода, (которое по желанию может быть разных размеров) будут включены на полную мощность только теперешние — десять формовальных кругов, то из тех имеющих большой спрос товаров можно будет все же изготовить столько, чтобы стоимость их соответствовала 2000 форинтам в неделю, то есть 100 000 форинтам в год.¹⁹ Предполагая даже то, что цены снизились бы с самых низших границ, то все еще останется в качестве прибыли по крайней мере 50%, если мы примем в основу условия того времени, хотя в определенных случаях бывали и прибыли в несколько сот процентов. Если завод хотя бы в течении пяти лет (за это время почти не пришлось бы израсходовать на ремонт заслуживающие внимания суммы) функционировал бы в рамках уже неоднократно упоминавшейся логичной системы — тем самым соответствуя своему прямому призванию и связываемым с ним требованиям — то за это время по всей вероятности завод еще раньше смог бы привести в полный порядок свои финансовые дела и торговые отношения.

Для этой цели заводу вполне достаточно было капитала равного 50 000 форинтам, который желательно было бы приобрести или в качестве аванса или путем участия в деле.²⁰

На основании настоящего лояльного сообщения мы с доверием обращаемся к нашим уважаемым друзьям и патриотически настроенным доброжелателям нашего предприятия, в твердой надежде на то, что как с точки зрения благоприятного торгового случая, так и в интересах сохранения для родины этого предприятия, пользующегося широкой известью — благодаря Вашему фактическому участию мы смогли бы успешно продолжать нашу деятельность, которой было посвящено все наше прошлое.

2 февраля 1875 года

(Подписи: Фишер Лео, Шамуэль, Геза, Вильмош и Бела.)

Примечания в приложении

Даже спустя почти целое столетие после появления в свет „Меморандума относительно сохранения херендского фарфорового завода мы можем считать его заслуживающим внимания источником для изучения истории Херендского фарфорового завода. Кроме того это первый достоверный письменный источник о предприятии, функционировавшем к тому времени уже около полстолетия и в котором авторы дают обобщающий обзор прошлого завода. Кроме того он дает возможность познакомиться с их мнением относительно возможного сохранения семейного предприятия, потерпевшего финансовый крах. Авторы меморандума — сыновья владельца — составили этот меморандум в тот период, когда отец их уже был не в состоянии руководить заводом, когда кризис достиг и Херенда. Стиль и манера меморандума несут на себе всю церемонность буржуа того времени, ту сдержанность и неопределенную точку зрения, которые проявляются в оценке отдель-

ных вопросов, данных, и фактов, имеющих историческое значение. Страстность и вместе с тем нерешительность, непризнание общественных взаимосвязей и сложных факторов капиталистического производства, и вообще отсутствие ощущения и оценки изменившегося мира — все это красной нитью тянется через затрагивание существенных вопросов и в наметке выхода из создавшегося положения.

Тот факт, что почти целое столетие должно было пройти для того, чтобы ученые-искусствоведы обратили внимание на этот отличный источник, как в зеркале отражает положение венгерских исследований в области декоративно-прикладного искусства, и конкретно в области исследований истории херендского фарфора, их научно-мировоззренческое состояние. Мы считаем необходимым определение вышесказанного даже в том случае, если о меморандуме уже ранее, но лишь поверхностно и в интересах ознакомления с поверхностными проблемами, упоминает Илона Рузичка в своем произведении „Херендский фарфор” (Будапешт, 1938), без всякого обозначения источника — на 25 странице. Новейшие исследования также оставляют без внимания этот документ. Наши исследования, направленные на вскрытие и анализ взаимосвязей не удовлетворяются простым упоминанием, поэтому в дальнейшем кроме нашей работы мы публикуем полный текст, дополнив его критическими замечаниями.

I. Исследователи истории аренды Фишером папайского завода каменной посуды, принадлежащего наследникам Матьяша Винтера, вернее, истории папайского завода, опираясь на источники Берталана Кери и Шандора Михалика, обработали историю нескольких лет. По возможности наиболее полную картину хозяйственной деятельности семьи Фишер сообщают относящиеся к этой теме части работы Дьердя Сабад „Татайское и гестейское имения Эстерхази...” (Будапешт, 1957). Кроме всего этого считаем непременно заслуживающим внимания, что новое предпринимательство Фишера связано не с появлением Херенда, а еще раньше, в форме больших или меньших по размерам кредитов, предоставлявшихся им Винце Штинглю, который основал в то время завод. Прекращение папайской аренды в силу необходимости направило интерес Фишера в сторону Херенда и стимулировало его к его приобретению. (Смотри: Ласло Молнар: Херендский фарфоровый завод в эпоху реформ. Сообщения музеев Веспремской области. 1. 1963).

II. В настоящей работе мы занимались тем, факты какого значения сообщает меморандум в связи с основанием херендского завода. До сих пор еще не обнаружены данные относительно того, что Штингль не намеревался продолжать свое предприятие. Однако с помощью данных установлено, что против него в связи с возвращением многочисленных займов, вернее, с упущением уплаты были предприняты интaбуляции. Спорна в новейшей специальной литература также и „компетентность” Штингля. В связи с этим мы в цитированном произведении заняли односмысленную и четкую позицию, но кроме того непременно может быть доказана его деятельность в Тата, Папе, Херенде, а затем

в Варошледе. Такая отрицательная оценка его личности является несомненным преувеличением, пристрастность детей Фишера можно объяснить излишним уважением к своему отцу и популярности завода.

III. Сотрудничество членов семьи — зятя и сына Лео — в работе завода является бесспорным вопросом. Однако, здесь можно затронуть вопрос о том, где и когда приобрели они соответствующие профессиональные знания, потому что согласно проведенным до сих пор исследованиям они не бывали за границей в командировках на заводах аналогичного профиля. Не относились они и к числу квалифицированных рабочих — формовщиков, модельщиков или художников, подготовка которых, в первой половине XIX столетия проходила в официальных рамках ремесленного цехового ученичества и заканчивалась традиционными странствованиями в других странах. Освоение отдельных фаз производства каменных и фарфоровых изделий возможно и чисто практическим путем и это приемлемо в случае семьи Фишер. Мы можем предполагать занятость детей и родственников скорее в коммерческом руководстве и в управлении отдельными цехами, чем в конкретном производстве.

IV. Проблема развития венгерской промышленности ни в коей мере не может быть ограничена фарфоровым производством, вернее, в данном случае одной единственной мануфактурой. Владельцы при создании своих сооружений делали слишком обобщающие выводы, когда поднимали свои мануфактуры до общегосударственного уровня. Бесспорно, что в рамках австрийской монархии не Венгрия была центром тонко-керамической промышленности, но определенного запрета в отношении фарфора не было. Наиболее наглядно свидетельствует об этом тот факт, что Мориц Фишер уже в ноябре 1842 года просит для своего завода привилегии и в следующем году получает эту привилегию, аналогичным было положение в отношении привилегий и чешских заводов, основанных в первые годы XIX столетия. В связи с этим, также в качестве критического замечания, можно упомянуть, что венгерские областные органы власти проявили очень гуманное поведение в своем представлении по отношению к оборудованию, качеству и количеству продукции мануфактуры, тогда еще работавшей в очень скромных рамках. Поэтому непременно мотивировано проведение широких исследований влияния, оказанного на производство херендского фарфора развитием имперской промышленности, вернее, таможенной системой и таможенной политикой.

V. В середине XIX столетия чешские заводы в большей своей части развивались в направлении массового производства, поэтому в художественном отношении нельзя даже сравнить две производственные и художественные концепции. В то время как первые в больших количествах создавали в большей своей части посуду в буржуазном характере *позднего рококо* пластику в стиле *необарокко*, то в Херенде стремились, к индивидуальному по характеру производству, изготовлению *старинных мейсенских* и современных классических *восточных образцов* и форм. Соответственно этому иной была и общественная

потребность по отношению к этим видам продукции. Непонимание разницы в этих аспектах привело к неправильным позициям.

VI. К проблеме пополнения аристократических сервизов считаем необходимым отметить, что это всегда означало в отношении к производству во все периоды лишь небольшую долю. Невозможно даже представить, чтобы какой-либо завод исключительно или в большей своей части планировал свою деятельность на выполнение такого рода задач. Фактом является то, что завод пополнил херендским фарфором многие более ранние, зарубежные сервизы, часто изготовленные еще в XVIII столетии. Эти задания вместе с тем обеспечивали для завода в интересах будущего возможность перенятия классических форм и украшений, дальнейшее их воспроизводство, а затем и непрерывное производство составленных таким образом сервизов. В формировании *херендского жанра* такое приобретение рисунков обеспечивало развитие в течение десятилетий. Проверая другую сторону этого вопроса непременно приходится определить как положительное явление, что на херендском заводе для выполнения таких и аналогичных этим заданий, всегда использовали художников и модельеров, обучавшихся своему ремеслу за границей.

VII. „Херендская заводская марка” известна не только по форме изготовленной на Херенде так называемой печатной марки, но и на фарфоре, снабженном под эмалью маркой, изготовленной венской синью, но встречается кроме того и на посуде, выпускавшейся чешскими заводами без всякой марки. (Во времена Морица Фишера, начиная приблизительно с 1850 года, применяли венгерский герб с короной в стиле барокко, нарисованный синей кобальтовой краской на поверхности эмали. Принимая во внимание то обстоятельство, что эта марка была нарисована от руки, вернее, пером, она известна в самых различных формах. Наряду с этим на фарфоре, изготавливавшимся в Херенде, применяли так называемые сухие или изготовленные блиттовкой марки с надписью HEREND). Все это, когда речь идет о подтверждении достоверности сказанного в меморандуме выдвигает и вопрос о том, выпускали ли вообще в Херенде в соответствующем количестве и качестве фарфоровый белый товар или можно предположить некоторую сознательность в подчеркивании кажущихся „настоящими” „имитаций”.

VIII. Не во всем соответствует действительности сообщение меморандума относительно Нью-Йоркской международной выставки 1853 года. Упомянутый там Лоозе был не австрийским консулом, а лишь заведующим канцелярией консульства, который своими покупками намеревался как бы уравновесить жест поддерживавшего Кошшута американского президента Франклина Пирса. Одинаковая оценка таких противоречивых явлений по всей вероятности выдает неосведомленность авторов.

IX. Выдающаяся мануальная, но ни в каком отношении не творческая деятельность завода действительно была признана на всех публичных выставках. Поэтому необходимо заметить, что потребность

к повторению фарфорового искусства XVIII столетия и с точки зрения общества проявлялась сильнее по сравнению с выпускавшимися в то время в серийном порядке фарфорами. Эту деятельность нельзя преувеличить даже в том случае, если о ней с признанием отзывается Гумбольдт, в ответ на что Фишер на довольно большом фарфоровом блюде нарисовал портрет выдающегося ученого. Гумбольдт не был искусствоведом и его заявление о херендском фарфоре несмотря на все положительные стороны такого признания являлось лишь выражением доброжелательности. Определения того времени в одной своей части характерны для той эпохи, для специфической пропаганды Фишера. Позднее они продолжали жить дальше как традиция и таким образом попали в специальную литературу о фарфоре без всяких критических замечаний, как абсолютная оценка.

X. Заслуживает во всех отношениях внимания замечание относительно крупного по сумме американского заказа. Однако в документах завода не имеется никаких следов этого факта. Точно также лишь поверхностные упоминания встречаются в связи с этим в обработке уже упомянутой Рузички. Необходимо отметить и здесь, что руководитель Акционерного Общества Херендского фарфорового завода (по счету третье, основано в 1923 году) в 1938 году собрал сохранившиеся еще к тому времени архивные документы и уничтожил их. Из соответствующих эпохе и не нарушающих чести данных были составлены различные резюме и конспекты. Взяли интервью у пожилых рабочих завода в качестве воспоминаний об истории завода. Эти материалы использовали для пропагандистских изданий к сотой годовщине основания завода. (Основание завода отождествляли с появлением в Херенде Морица Фишера, то есть с 1839 годом, и умалчивали о существовании предприятия Штингля. Исследования последних лет изменили дату основания завода и на основании документов основание херендского завода связывают с деятельностью Винце Штингля в 1825 году.) На основании вышесказанного может быть принят коммерческий интерес американцев, даже в том случае, если письменные документы об этом нам неизвестны или если они были уничтожены.

XI. Всемирная выставка 1873 года в Вене была проведена уже в период кризиса. Сложившиеся в результате этого высокие цены не благоприятствовали покупкам частого характера, и в еще меньшей степени благоприятствовали они перспективной торговой деятельности. Кроме всего этого необходимо отметить, что в связи с фарфором значительными конкурентами оказались различные фаясны и богато украшенные майоликовые изделия, которые с одной стороны были дешевле, а с другой стороны были ближе вкусам буржуазной публики семидесятых годов, чем классический фарфор.

XII. Перечисление венгерских аристократических семей в качестве покупателей, можно считать почти полным. В сохранившихся до сих пор среди заводских бумаг „Loco Verkaufs Buch” и в иных торговых книгах непрерывно фигурируют уже с конца 1850-х годов перечисленные и другие аристократические и дворянские покупатели.

Записи эти могут быть подтверждены и с другой стороны, потому что в продажных книгах фигурируют и продажи целых сервизов.

XIII. В этом отношении возбуждение авторами меморандума вопроса о предусловиях банкротства мотивировано только постольку, поскольку они сообщают свое мнение о многолетней деятельности своего отца. Они вместе с тем забывают о тех общественных факторах, которые в рамках монархии, в первую очередь на чешских заводах, продвинули вперед развитие. Не безынтересно отметить, что в то время в Венгрии только в Херенде изготавливали значительные количества фарфора. В то же время в западных районах Чехии работало несколько дюжин заводов, превосходящих по размерам Херендский завод. Венская императорская мануфактура уже десять лет тому назад прекратила производство именно потому, что прекращение ее прежнего монопольного положения и внутренняя ее организация не давали ей возможности ни участвовать в капиталистической конкуренции, ни усовершенствовать и развивать свою продукцию соответственно потребностям эпохи. Конкуренция меньших и больших по размерам чешских заводов обострилась в тех условиях до крайности. Это воздействовало на владельцев, на их стремление к более современной организации производства и усилению эксплуатации в интересах получения больших прибылей. Они открывали возможности для производства и выпуска массовых изделий и вместе с тем для удовлетворения потребностей более широких буржуазных кругов. Как известно, эти аспекты в меморандуме даже не затронуты. „Мир” в период кризиса не изумлялся и не поражался банкротству заводов и предприятий, тем более в случае таких сравнительно небольших по объему мануфактур.

XIV. Честолюбие Морица Фишера, вернее, результат этого честолюбия реализовывался в создании всемирно известного херендского фарфора. Это не может представлять и не представляет и ныне предмет спора. Замечание потомков может быть мотивировано, пожалуй, лишь постольку, поскольку они искали причины и объяснения или оправдывали себя и свою ответственность. Фишер не был более усердным и честолюбивым чем любой из его современников, зарождавшаяся заводская промышленность, капитализм, систематически и часто повторявшиеся всемирные и отечественные выставки ожидали такого поведения от всех участников. Потребностью было, чтобы документы, медали и грамоты прежних успехов указывали на надежность фирмы, на успех ее изделий, на постоянно становившееся все более популярным ее имя. Это такое всеобщее общественное явление, что успехами этого по праву может гордиться заводчик и он не может быть осужден за это тем более со стороны своих собственных детей.

XV. Такое толкование замешательства пожилого владельца не обосновано. Мы вынуждены опровергнуть это положение из-за недостатка данных. Решающие документы истории херендского завода — подтверждающие деятельность и поведение владельца — это фарфор того времени. Фишерская концепция созревает к этому десятилетию. Это то время, когда такая видная личность как ученый-искусствовед

с европейским именем Якоб фон Фалке отзываясь о появлении и качестве стоящего на высоком уровне херендского фарфора. Его отзыв и поныне остается в силе. В художественном качестве выражается характер имитации, отражается отличная компиляционная способность Херенда в применении как западных классических, так и восточных экзотических украшений. Вопрос подлинности никогда не поднимался и не мог затрагиваться ни со стороны критиков, ни со стороны Фишера. В своих интервью и мнениях заводчик гордился именно тем, что выпускал на своем предприятии до неузнаваемости похожие изделия. Таким образом его не могло поколебать мнение этого отличного авторитета, а более того он и сам был согласен и перенял и распространял определение Фалке. Ошибочно говорить о замешательстве, о мировом явлении, когда прекращается потребность в подражании классическому фарфору. Интерес стал проявляться к более дешевым массовым фарфоровым изделиям и сверкающим, богато раскрашенным, позолоченным фаянсовым изделиям. В этом снова проявляется отсутствие знания общественных условий, что стимулирует к осуждающему мнению родственников Фишера в отношении позиции, занятой их отцом.

XVI. Материальная заинтересованность непрестанно увеличивавшейся семьи, вернее, участие их в „деле”, или отсутствие этого участия — является фактором. В результате отсутствия письменных документов мы можем лишь делать выводы. Это, однако, может завести далеко с какой бы осмотрительностью мы не пытались бы делать этого, поэтому здесь мы не занимаемся этим вопросом, не заслуживающем особого внимания с точки зрения банкротства. По всей вероятности и в этом случае это связано с осуждением пожилого владельца, с честолюбием его детей, потому что их имя не фигурировало в названии всемирно известной фирмы.

XVII. Такая характеристика романтического поведения Морица Фишера непременно подключается к предыдущей проблеме. Мы, однако, все же занимаемся этим, выражая тем самым свое убеждение и результаты наших исследований, в результате которых мы иначе чем его дети оцениваем „его специфический, иной, отдельный интерес”. Мы можем считать его проступки только как необходимым проявлением воззрений и привычек эпохи. Поэтому мы не расцениваем отрицательно его деятельность в случае декоративно-прикладного предприятия, развивающегося в таких специфических исторических и общественных условиях, как Херендский фарфоровый завод. Отдельно надо подчеркнуть происходящие из художественной концепции обязанности, вернее, проявления, выражавшиеся в жесте преподнесения подарков отдельным музеям.

XVIII. Большинство европейских фарфоровых заводов и мануфактур в XVIII столетии действительно пользовались особыми привилегиями. Это происходило в результате того, что они являлись непосредственной собственностью королей или аристократов, поэтому и вопрос рентабельности их возникал иначе, чем в последнюю треть

XIX столетия, в период классического капитализма. Иные предприниматели с помощью привилегий получали систематическую субвенцию, что обеспечивало для них преимущественное и выгодное положение. Заводчик Мориц Фишер, на основе своих знаний и многолетнего личного опыта совершенно реально мог ожидать более эффективной помощи своей деятельности. Однако то, что во всей Европе наблюдалось в качестве действительного факта полтора столетия тому назад, то в 1870-х годах в отечественных условиях можно счесть как иллюзию. Это освещает ранее прогрессивные, но в это время уже традиционные общественные взгляды и воззрения Фишера. То, что из этого произошли противоречия между владельцем и его детьми, еще далеко не означает того, что выясняется из других частей меморандума, именно, что потомки почувствовали или хотя бы поняли развившиеся в производстве херендского фарфора, и в европейской капиталистической экономике противоречия, разрешившиеся позднее в кризисе, что в конечном счете привело к состоянию банкротства.

XIX. Производство завода в количественном отношении, судя по отчетам торговых палат, в эти годы уменьшилось и в абсолютной стоимости (ведь изменение стоимости денег непосредственно воздействовало на потребление и таким образом и на формирование цен). По сравнению с производством чешских заводов, выпускавших продукцию стоимостью в несколько миллионов, доброжелательной наивностью кажется и лишено всяких реальных представлений о развитии апелляции относительно производства фарфора еженедельно на сумму 2000 форинтов. Это представление является такой ошибкой и таким незнанием действительности — в качестве выхода из экономических затруднений —, что это явно демонстрирует мануфактуральные экономические воззрения семьи Фишеров. Сумма сто тысяч в год, относится не к представлениям и планам отца, не к производству в большей своей части специальных изделий, а к „массовому” производству считавшемуся ими более современным, которое по нашему мнению в случае работы упоминающихся 10 шлифовальных кругов не принесло бы желаемого результата.

XX. Что касается следующего вопроса — относительно понижения цен, то это связано с нашими предыдущими критическими замечаниями. В отношении Херенда, оснащенного отсталым оборудованием, не могло быть даже речи о массовом производстве и о повышении производительности труда, которое как модель привело бы к понижению цен. А снижение заработной платы было невозможным, потому что заработки, еще начиная с самых ранних лет, стояли на самом низком уровне и лучшие возможности заработков для зарубежных художников и модельеров были возможны только в случае специальных заказов или в период подготовки к выставкам. Таким образом понятной становится потребность, которая предписывает увеличение торгового капитала на 50 000 форинтов для разрешения проблем, затронутых в меморандуме. Планируемый объем производства и размеры, вернее, соотношение требующейся суммы, пожалуй, яснее всего отражают

отставшие меркантильные воззрения, которые в условиях капитализма уже не могли выполнять свою задачу и не служили больше развитию производства.

Аналитическая проверка вопросов, затронутых в меморандуме, была осуществлена с использованием результатов самых широких исследований. Проблемы, изложенные с некоторыми искажениями и наивностью, не уменьшают историческое значение и ценность этого документа. Документ и без этого дает возможность для проведения дальнейших исследований и глубже заглянуть в неизвестные до сих пор или неясные взаимосвязи. Вводная статья о тогдашнем внутреннем состоянии завода, сам меморандум и критические замечания — как результаты современных исследований делают возможным нарисовать наиболее полную картину — в рамках более широкой обработки.